

Аля Вестова

БЫВШИЙ

Когда прошлое не отпускает

Лея Вестова

БЫВШИЙ. Когда прошлое не отпускает

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73383213

SelfPub; 2026

Аннотация

- Кто такая Оля?
- Оля? – сын даже рассмеялся, но смех вышел фальшивым. – Какая Оля? У меня на работе есть Ольга Петровна, но...
- Та, которую ты целовал в кинотеатре, пока Рита ходила за попкорном.
- Откуда ты...
- Соня рассказала. Через игру в куклы. Дети не умеют хранить секреты, Денис. Даже те, которые папа велел никому не рассказывать, потому что «тетя Оля глупая».
- Мам, это не то, что ты думаешь...
- А что я думаю?
- Это ничего не значит! – слова полились из него потоком. – Она... она сама ко мне пристает. Мам, прошу тебя, это глупость. Мимолетное увлечение. Я прекращу, клянусь! Рита не должна узнать. Это убьет ее...
- Завтра же. Либо ты заканчиваешь эту историю немедленно и полностью, либо я завтра же еду к Рите и рассказываю ей все.

Его лицо исказилось. Злость, которую я никогда раньше в нем не видела, вспыхнула в глазах.

– Ты хочешь разрушить мою семью! – он почти кричал. – Как когда-то разрушила свою! Не смогла удержать отца, и теперь хочешь, чтобы и я остался один

Содержание

Аннотация	5
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Лея Вестова БЫВШИЙ. Когда прошлое не отпускает

Аннотация

– Кто такая Оля?

– Оля? – сын даже рассмеялся, но смех вышел фальшивым. – Какая Оля? У меня на работе есть Ольга Петровна, но...

– Та, которую ты целовал в кинотеатре, пока Рита ходила за попкорном.

– Откуда ты...

– Соня рассказала. Через игру в куклы. Дети не умеют хранить секреты, Денис. Даже те, которые папа велел никому не рассказывать, потому что «тетя Оля глупая».

– Мам, это не то, что ты думаешь...

– А что я думаю?

– Это ничего не значит! – слова полились из него потоком. – Она... она сама ко мне пристает. Мам, прошу тебя, это глупость. Мимолетное увлечение. Я прекращу, клянусь! Рита не должна узнать. Это убьет ее...

– Завтра же. Либо ты заканчиваешь эту историю немедленно и полностью, либо я завтра же еду к Рите и рассказываю ей все.

Лицо сына исказилось. Злость, которую я никогда раньше в нем не видела, вспыхнула в его глазах.

– Ты хочешь разрушить мою семью! – он почти кричал. – Как когда-то разрушила свою! Не смогла удержать отца, и теперь хочешь, чтобы и я остался один!

Глава 1

Воскресный день клонился к закату, окрашивая комнаты дома моего сына в густые медовые тона. Из кухни доносился аромат яблочного пирога – Рита, моя невестка, любила печь по выходным. Я сидела в глубоком кресле у окна в гостиной, наблюдая за тем, как за стеклом в саду возятся с поливом клумб Денис и Рита, а рядом с ними скачет пятилетняя Сонька, размахивая маленькой лейкой.

Внутри меня разливалось тихое, умиротворенное счастье. Не то пузырящееся, опьяняющее чувство юности, а другое – глубокое, основательное, которое приходит только с годами. Это было счастье, которое я построила сама, кирпичик за кирпичиком, преодолевая боль, разочарования и страхи. Глядя на эту картину – мой сын, подхватывающий на руки визжащую от восторга дочку, Риту, смеющуюся и пытающуюся увернуться от струи воды из шланга – я чувствовала, что все сделала правильно.

– Ба, ба! – дверь распахнулась, и в гостиную ворвался вихрь в розовом платье. Соня схватила меня за руку, потянув из кресла. – Пойдем играть! Мама с папой опять целуются, фу-у-у!

Я рассмеялась, позволяя внучке увлечь себя в детскую. Комната была залита остатками закатного солнца, превращавшего каждую игрушку в маленькое сокровище. Соня

усадила меня прямо на ковер, мои колени протестующе хрустнули, но я не подала виду и принялась доставать из розового пластикового домика кукол.

— Это мама, — она показала мне куклу с длинными каштановыми волосами, удивительно похожими на волосы Риты. — А это папа, — кукла-мужчина в синем костюме появилась следом. — И это я! — маленькая куколка с хвостиками заняла место между родителями.

Игра текла неспешно. Куклы ходили друг к другу в гости, пили чай из крошечных чашечек, катались в пластиковой машинке. Я расслабилась, позволяя детской фантазии вести меня по своим извилистым тропинкам. Соня что-то щебетала про кукольный день рождения, про торт из пластилина, который она слепила вчера...

— А это кто? — я заметила в углу домика еще одну куклу, которую Соня пока не представила. У нее были неестественно белые, почти серебристые волосы и яркое красное платье.

— А, это тетя Оля, — Соня небрежно махнула рукой, доставая куклу и усаживая ее в машинку рядом с куклой-папой. — Они вместе ездят.

— Вместе? — я старалась, чтобы мой голос звучал беззаботно. — А где же мама?

— Мама дома, — Соня поставила куклу-маму у порога домика, будто та провожала уезжающих. — Или на работе. Мама много работает.

Что-то кольнуло меня изнутри, но я продолжала улыбаться.

ся.

– А кто такая тетя Оля?

– Не знаю, – Соня пожала плечиками, катая машинку туда-сюда по ковру. – Мы ее в кино видели. Когда мама за попкорном ходила, она пришла и села рядом с папой. А потом...

Соня замолчала, сосредоточенно переставляя кукол.

– Что потом, солнышко?

– Потом они целовались, – произнесла она таким же будничным тоном, каким могла бы сказать «потом мы ели мороженое».

Комната вокруг меня покачнулась. Я вцепилась в край кукольного домика, чувствуя, как пластик врезается в ладонь.

– А... а папа что сказал?

– Папа сказал, что это наш секрет. Что тетя Оля глупая, и маме не надо знать, а то она расстроится. – Соня подняла на меня свои огромные карие глаза, точь-в-точь как у Дениса в детстве. – Ба, а почему тетя Оля глупая?

Я не знаю, как мне удалось выдавить из себя улыбку.

– Наверное, папа лучше знает, милая. Ой, смотри, у твоей куклы платье расстегнулось!

Следующие полчаса прошли как в тумане. Я механически играла с Соней, отвечала на ее вопросы, даже смеялась в нужных местах. Но внутри меня все превратилось в лед. Каждое невинное слово внучки било по мне, как молот по стеклу, и я чувствовала, как трещины расползаются по идеальной картине, которую я так бережно выстраивала все эти

годы.

Когда Рита позвала нас ужинать, я сослалась на усталость.

– Поезжайте домой, мам, – забеспокоилась Рита, трогая мой лоб. – Вы, правда, какая-то бледная. Денис, отвези маму!

– Не нужно, – я мягко отстранилась. – Вызову такси. Вы продолжайте, я не хочу нарушать ваш семейный вечер.

Денис проводил меня до двери, помог надеть пальто. Его руки были такими же сильными и заботливыми, как всегда. Он поцеловал меня в щеку, и от него пахло одеколоном, который Рита подарила ему на день рождения.

– Мам, точно все в порядке?

Я посмотрела на него: мой красивый, успешный сын. Высокий, широкоплечий, с открытым лицом и честными, как мне казалось, глазами.

– Приезжай ко мне вечером, – сказала я тихо. – У меня к тебе разговор.

– Что-то случилось?

– Приезжай, Денис.

В такси я смотрела на проплывающие за окном огни города и думала о том, как быстро может рухнуть то, что строилось годами. Одна детская игра, несколько невинных слов и фундамент дал трещину.

Он приехал в половине девятого. Я слышала, как хлопнула дверца машины, как его ключ повернулся в замке – я дала ему ключи от своей квартиры еще когда Соня родилась, на

всякий случай.

Я ждала его в кабинете. Не стала включать верхний свет, только настольная лампа создавала круг желтого света на полированной поверхности стола.

– Мам? – он заглянул в кабинет. – Почему в темноте сидишь?

– Садись, – я указала на кресло напротив.

Он сел, все еще улыбаясь, но в его глазах уже мелькнуло беспокойство. Денис всегда тонко чувствовал атмосферу – это я в нем воспитала.

– Что случилось? С тобой все в порядке? Здоровье?

– Кто такая Оля?

Слова упали между нами, как топор палача. Его лицо дрогнуло, на долю секунды превратившись в маску, затем он попытался изобразить недоумение.

– Оля? – сын даже рассмеялся, но смех вышел фальшивым. – Какая Оля? У меня на работе есть Ольга Петровна, но...

– Та, которую ты целовал в кинотеатре, пока Рита ходила за попкорном.

Тишина. Он смотрел на меня, и я видела, как за его глазами лихорадочно мечутся мысли. Отрицать? Признаться? Свалить все на недоразумение?

– Откуда ты...

– Соня рассказала. Через игру в куклы. Дети не умеют хранить секреты, Денис. Даже те, которые папа велел нико-

му не рассказывать, потому что «тетя Оля глупая».

Он откинулся в кресле, провел рукой по лицу. Когда он снова посмотрел на меня, бравады в его взгляде уже не было.

– Мам, это не то, что ты думаешь...

– А что я думаю?

– Это ничего не значит! – слова полились из него потоком. – Она... она сама ко мне пристаёт. Новый юрист в компании, молодая, амбициозная. Я пытался держать дистанцию, но она...

– Она заставила тебя прийти с семьей в кинотеатр, где вы якобы случайно встретились?

– Это правда была случайность!

– И она заставила тебя целоваться с ней на глазах у твоей пятилетней дочери?

– Соня не должна была это видеть...

– Но увидела, – я не повысила голос, но он вздрогнул. – И теперь играет в куклы, где папа катается с тетей Олей, а мама стоит дома.

Он вскочил, заметался по кабинету.

– Мам, прошу тебя, это глупость. Мимолетное увлечение. Я прекращу, клянусь! Рита не должна узнать. Это убьет ее...

– Завтра же.

– Да, конечно, завтра же!

Я встала, подошла к окну. За стеклом мерцали огни ночного города.

– И переведешь ее в другой отдел. Или уволишь.

– Мам, я не могу просто так уволить человека...

– Найдешь причину. Ты же умный мальчик, справишься.

– Это шантаж!

Я обернулась к нему.

– Нет, Денис. Это последний шанс. Либо ты заканчиваешь эту историю немедленно и полностью, либо я завтра же еду к Рите и рассказываю ей все.

Его лицо исказилось. Злость, которую я никогда раньше в нем не видела, вспыхнула в глазах.

– Ты хочешь разрушить мою семью! – он почти кричал. – Как когда-то разрушила свою! Не смогла удержать отца и теперь хочешь, чтобы и я остался один!

Удар попал в цель. Я почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Но лицо мое осталось спокойным.

– Твой отец был с женщиной на пятнадцать лет младше, когда ты был ребенком, – сказала я ровно. – Он обманывал меня, а я, дура, верила в командировки и задержки на работе. Я не дала тебе расти в атмосфере лжи и взаимных обвинений. Я вырастила тебя одна, дала тебе образование, помогла встать на ноги. И я думала, что вырастила тебя другим. Порядочным. Честным. Человеком, который не предаст женщину, подарившую ему ребенка.

Денис молчал, глядя в пол.

– Но знаешь что самое страшное? – продолжила я. – Не то, что ты изменяешь Рите. А то, что ты втянул в это Соню. Что она теперь хранит твой грязный секрет. Что в пять лет она

уже знает: папа делает что-то плохое, что нужно скрывать от мамы.

– Я не хотел...

– Конечно, не хотел. Никто никогда не хочет. Твой отец тоже не хотел, чтобы ты застал его в нашей спальне с его секретаршей. Но ты застал. Помнишь? Конечно, помнишь, тебе было десять лет.

Он вздрогнул

– У тебя есть выбор, Денис. Либо ты прекращаешь это сейчас, полностью и окончательно. Либо... – я развела руками. – Либо история повторяется.

Он ушел через час, так и не попросив прощения. Хлопнула дверь, взревел мотор. Я осталась сидеть в темноте кабинета, разглядывая семейную фотографию на столе: Денис, Рита и Соня на море прошлым летом. Счастливые, загорелые, обнимающиеся. Идеальная семья... была.

Глава 2

Утренний свет пробивался сквозь жалюзи моего офиса, расчерчивая стол полосами света и тени. Я машинально перебирала документы, подписывала сметы, но буквы расплывались перед глазами. Ночь прошла без сна, я металась по квартире, как раненый зверь, то садилась за ноутбук, то брала телефон, чтобы позвонить Денису, то откладывала его в сторону.

– Елена Андреевна, к вам Ильин с проектом торгового центра, – секретарша Маша заглянула в кабинет.

– Пусть заходит.

Ильин вошел с папкой чертежей, разложил их на столе, начал что-то объяснять про несущие конструкции и вентиляционные шахты. Я кивала, делала пометки, задавала правильные вопросы, тело функционировало на автопилоте, пока разум метался в прошлом.

– ...поэтому предлагаю усилить эту часть фундамента, – Ильин ткнул пальцем в чертеж.

– Хорошо. Просчитайте два варианта, с усилением и без. Нужны точные цифры к пятнице.

Он ушел, следом зашел Беспалов с вопросами по новому объекту, потом Солопова с отчетностью. Я функционировала, принимала решения, раздавала указания, но где-то на периферии сознания, как заноза, пульсировала мысль: история

повторяется.

Когда офис опустел на обеденный перерыв, я откинулась в кресле и закрыла глаза. Память услужливо подбросила картинку тридцатилетней давности – молодые, дерзкие, влюбленные. Мы с Мишей на выпускном в строительном институте. Он кружит меня в танце, шепчет на ухо: «Мы построим империю, Ленка! Ты и я против всего мира!»

Его отец, Андрей Валерьевич, владел сетью магазинов стройматериалов. Место сыну в бизнесе было готово с пеленок, но Миша рвался к самостоятельности. «Я не хочу торговать гвоздями, – говорил он. – Я хочу строить дома!»

Мы поженились через месяц после выпускного. Свадьба была скромная, только близкие, ресторан на Таганке, платье, купленное в рассрочку. Андрей Валерьевич смотрел на нас с плохо скрываемым скепсисом: «Поиграетесь и придете ко мне на поклон».

Но мы не пришли. Первый год жили впроголодь, снимая однушку в Бирюлево. Миша регистрировал фирму, искал заказы, а я чертила, считала сметы, вела бухгалтерию. Была и секретарем, и проектировщиком, и бухгалтером в одном лице. Спали по четыре часа, питались дошираком, но были счастливы. Каждый выигранный тендер праздновали бутылкой дешевого шампанского на кухне.

Потом дела пошли в гору. Первый крупный заказ – ремонт офисного здания на Павелецкой. Миша сутками пропадал на объекте, я за чертежами. Когда сдали объект, заказчик

был так доволен, что рекомендовал нас дальше. Посыпались новые контракты.

Через три года у нас уже был офис в центре, штат из двадцати человек и репутация надежной компании. Именно тогда я забеременела. Помню, как сказала Мише: он подхватил меня на руки, закружил прямо в офисе на глазах у всех сотрудников.

– Наследник! – кричал он. – У меня будет наследник!

Денис родился в частной клинике. Миша был рядом, держал за руку, а когда услышал первый крик сына, заплакал. Я никогда не видела его плачущим... ни до, ни после.

Первые месяцы после родов я работала из дома, кормила Дениса и параллельно проверяла чертежи. Но когда вернулась в офис через полтора года, мое место было занято. Новый главный инженер – Виктор Палыч, опытный, со связями.

– Ты пойми, Лен, – объяснял Миша. – Бизнес растет, нужны профессионалы. Ты же теперь мама, тебе надо о ребенке думать.

Я стала приходить два-три раза в неделю, потом еще реже. Незаметно превратилась из партнера в жену босса, которой выделили символическую должность «консультанта». А Миша расцветал: новые костюмы, дорогая машина, членство в гольф-клубе «для налаживания связей».

Изменения происходили постепенно, как эрозия почвы – незаметно, но необратимо. Сначала поздние возвращения: «Клиенты, Лен, надо поддерживать отношения». Потом за-

пах чужих духов: «Секретарша новая, наверное, перебарщивает». Потом грубость: «Да что ты понимаешь в бизнесе? Сиди дома, воспитывай сына!»

Я закрывала глаза. Страшно было признать, что сказка закончилась. Страшно остаться одной с ребенком. Страшно разрушить тот мир, который мы так долго строили. И я убеждала себя: это временно, это пройдет, нужно просто переждать.

А потом случился тот день. Я лежала в больнице с двусторонней пневмонией, температура под сорок, антибиотики капали через капельницу. Денису было десять, он остался дома один – Миша сказал, что присмотрит.

Вечером Денис пришел в больницу. Бледный, с трясущимися руками.

– Мам, – он сел на край кровати, не глядя мне в глаза. – Папа... он... там женщина... в вашей спальне...

Мир рухнул. Не треснул, не пошатнулся – именно рухнул, погребя под обломками все иллюзии.

Развод был мучительным. Миша, который когда-то клялся мне в вечной любви, превратился в жестокого врага. Оказалось, что большая часть имущества записана на него или его мать. Фирма, которую мы строили вместе? Он единственный учредитель. Квартира? Куплена до брака на деньги его отца. Счета? На его имя.

– Ты получишь алименты, – великодушно заявил он через адвоката. – И можешь забрать свои вещи.

Но даже этого ему было мало. Он подал иск об определении места жительства ребенка.

– Я обеспечу сыну лучшие условия, – вещал он в суде. – Частная школа, репетиторы, спортивные секции. А ответчица не имеет постоянного дохода и собственного жилья.

Денис сам попросил слова на суде. Встал перед судьей – худенький, угловатый подросток в школьном костюме:

– Я хочу жить с мамой. Папа... папа мне не нужен.

После суда мы уехали в Петербург, к моей сестре. Миша не сделал ни одной попытки связаться с сыном. Тот самый наследник, за которого он так сражался, оказался ему не нужен...

Стук в дверь вырвал меня из воспоминаний.

– Можно? – Денис заглянул в кабинет.

Я выпрямилась, сцепила руки на столе.

– Заходи.

Он вошел, сел напротив. Выглядел уставшим – под глазами тени, щетина, костюм помят.

– Я все решил... с ней.

– Как?

– Уволил. С выходным пособием в шесть окладов и рекомендательным письмом. Сегодня утром.

Я изучала его лицо. Дернулся левый уголок рта – верный признак, что он нервничает.

– И она согласилась? Просто так?

– Ну... я объяснил, что это будет лучше для всех. Что не

стоит усложнять ситуацию.

– И?

Он потер переносицу – жест Миши, который унаследовал генетически.

– Мам, я хочу, чтобы ты поняла. Между нами ничего не было. Ну, то есть ничего серьезного. Мы просто... общались. Она проявляла знаки внимания, я не сразу понял, что это заходит слишком далеко. Тот поцелуй в кинотеатре – это был единственный раз, клянусь. Она поцеловала меня, а я... я растерялся.

Левый глаз дернулся. Еще одна ложь.

– Почему Соня решила, что вы с ней катаетесь на машине вместе?

– Не знаю! Может, придумала. Ты же знаешь, у нее богатая фантазия.

– У пятилетних детей фантазия не включает любовниц их отцов, Денис.

Он вспыхнул.

– Она не любовница! Господи, мам, я же сказал – ничего не было!

Я молчала, глядя на него. Мой красивый, успешный сын. Такой похожий на отца в свои тридцать пять. Те же жесты, та же манера врать, глядя прямо в глаза.

– Хорошо, – сказала я наконец. – Я верю, что ты это пре-
кратил.

Он расслабился, откинулся на спинку кресла.

– Спасибо, мам. Я знал, что ты поймешь. Это была глупость, мимолетная слабость. Я люблю Риту, люблю Соню. Моя семья – это главное.

– Да, – я кивнула. – Семья – это главное.

Он поднялся, обошел стол, поцеловал меня в макушку.

– Не переживай. Все будет хорошо.

Когда за ним закрылась дверь, я долго сидела неподвижно, глядя в пустоту. В кабинете стояла тишина, нарушаемая только тиканьем настенных часов – подарок сотрудников на юбилей компании.

Денис лгал. Я видела это так же ясно, как тридцать лет назад видела ложь его отца. Тот же взгляд чуть поверх моей головы, те же заученные интонации, та же поспешность в заверениях. «Ничего не было», «просто общались», «единственный раз»... Как под копирку с отцовского «это ничего не значит», «она сама ко мне пристала», «я тебя люблю, ты же знаешь».

Я подошла к окну. Внизу кипела жизнь – люди спешили по своим делам, машины стояли в пробке, на стройке напротив гремела техника. Обычный московский день. Никто из этих людей не знал, что где-то на двенадцатом этаже офисного здания женщина смотрит на них и чувствует, как рушатся последние иллюзии.

Я так надеялась, что смогла прервать эту цепь. Что мой сын, выросший без отца, видевший мою боль, понимающий цену предательства, будет другим. Что та любовь, которую

я в него вложила, те принципы, которые пыталась привить, окажутся сильнее генов.

Но история повторяется. Как будто существует некий сценарий, записанный в крови, и мы обречены проигрывать его снова и снова. Отец Михаила изменял его матери. Михаил изменял мне. И вот теперь Денис...

Глава 3

Неделя тянулась, как резиновая лента, готовая вот-вот лопнуть. Я наблюдала за Денисом с той осторожностью, с какой саперы обследуют минное поле – каждое движение проверено, каждый взгляд под контролем.

Он стал образцовым мужем. Приезжал домой к семи, привозил Рите цветы – не помпезные букеты, а скромные тюльпаны, которые она любила. Играл с Соней в конструктор, читал ей сказки на ночь, водил в зоопарк в субботу. На семейном ужине в воскресенье был внимателен, шутил, обнимал Риту за плечи, когда она подавала десерт.

Слишком правильно. Слишком старательно. Как школьник, который разбил окно и теперь изо всех сил демонстрирует примерное поведение.

Я видела это в мелочах. В том, как он слишком быстро убирал телефон в карман, когда кто-то входил в комнату. В том, как напрягалась его спина, когда Рита брала его телефон посмотреть время. В том, как он целовал ее в щеку – механически, будто ставил галочку в списке обязательных действий заботливого мужа.

Двадцать пять лет назад Миша вел себя точно так же после первой «командировки», от которой пах чужими духами. Цветы, подарки, клятвы в любви. «Прости, заработался, теперь буду больше времени уделять семье». И я, дура, верила.

Хотела верить.

Рита ничего не замечала. Или не хотела замечать – это тонкая грань, которую женщины часто сами для себя проводят. Она светилась от счастья, рассказывала мне по телефону, какой Денис стал внимательный, как помогает по дому, как здорово они провели выходные.

– Мам, это как второй медовый месяц, – щебетала она. – Даже не знаю, что на него нашло, но мне так нравится!

Я слушала, поддакивала, а внутри все сжималось в тугой узел. Рассказать ей? Предупредить? Но что именно рассказывать – свои подозрения? Детский лепет про тетю Олю? Нервный тик сына, когда он врет?

Как женщина, я понимала – она имеет право знать. Рита сильная, умная, она справится. Лучше узнать сейчас, чем через год или пять, когда ложь пустит корни так глубоко, что вырвать их можно будет только вместе с сердцем. Я бы хотела, чтобы мне кто-то рассказал тогда, двадцать пять лет назад. Чтобы не пришлось узнавать правду от десятилетнего сына с трясущимися руками.

Но как мать... Как мать я все еще надеялась. Вдруг он действительно прекратил? Вдруг это был единственный срыв, момент слабости, который больше не повторится? Может быть, этот страх, который он сейчас испытывает, послужит ему уроком?

«Ты хочешь разрушить мою семью, как когда-то разрушила свою» – его слова въелись в память, как ожог. Неправда. Я

не разрушала свою семью – ее разрушил Миша своей ложью. И сейчас не я разрушаю семью Дениса – он сам роет яму, в которую рано или поздно упадет. Ложь никогда, никогда не приносила ничего хорошего. Она как ржавчина разъедает медленно, но неотвратно.

Воскресенье выдалось особенно тяжелым. Мы собрались у них дома – традиционный семейный обед. Рита приготовила утку с яблоками, Денис откупорил вино, Соня показывала мне рисунки из садика.

– Смотри, ба, это наша семья! – она ткнула пальчиком в лист. – Вот мама, вот папа, вот я, а вот ты!

На рисунке все держались за руки, улыбались кривыми детскими улыбками. Идиллия цветными карандашами...

Понедельник принес облегчение – работа всегда была моим спасением. Проекты, сметы, совещания – все это создавало иллюзию контроля над жизнью. К двум часам дня я почти убедила себя, что все образуется. Что Денис действительно исправится. Что история не повторится.

В два часа в мой кабинет вошел Сергей Михайлович Красин – давний заказчик, владелец сети фитнес-центров. Мы обсуждали проект нового спортивного комплекса в новом районе. Следом зашел Денис – он курировал этот проект.

– Елена Викторовна, Сергей Михайлович, – он кивнул нам обоим. – Принес финальные расчеты по вентиляции, как вы просили.

Мы склонились над чертежами. Денис объяснял техни-

ческие детали, Красин задавал вопросы. Обычная рабочая встреча, каких у меня десятки в месяц.

Телефон Дениса завибрировал на столе. Он молниеносно схватил его, нажал на кнопку отключения звука, но я успела увидеть имя на экране.

Михаил Андреевич.

Полный тезка его отца.

Мир вокруг меня замер. Красин что-то говорил про расположение раздевалок, но его голос звучал как из-под воды. Михаил Андреевич. Не может быть совпадением.

– Простите, – Денис поднялся. – Очень важный звонок, я должен ответить. Это по другому проекту, срочно.

– Конечно, конечно, – Красин понимающе кивнул. – Дела не ждут.

Денис вышел, прикрывая за собой дверь. Но дверь в моем кабинете давно заедает – я все собиралась сказать Маше вызвать мастера, но руки не доходили. Створка не защелкнулась, оставив щель шириной в палец.

Голос Дениса доносился из коридора, приглушенный, но различимый:

– ... она ничего не знает... Да, в пятницу, как и договаривались... Нет, не могу сейчас говорить...

Створка дрогнула, он, видимо, заметил щель и закрыл дверь плотнее. Дальше была тишина.

Я продолжала кивать Красину, что-то отвечать, даже делать пометки в блокноте. Профессионализм, выработанный

десятилетиями, вел меня на автопилоте. Но внутри все превратилось в лед.

«Она ничего не знает». Кто – она? Рита? Я?

«В пятницу, как договаривались». Что в пятницу? Встреча?

«Михаил Андреевич». Кто этот человек с именем его отца?

Денис вернулся через пять минут. Спокойный, собранный, с извиняющейся улыбкой.

– Прошу прощения. Подрядчики, сами знаете, без постоянного контроля расслабляются.

Встреча продолжилась еще полчаса. Мы согласовали детали, подписали предварительный договор, пожали руки. Красин ушел довольный. Денис задержался, собирая документы.

– Мам, все в порядке? Ты какая-то бледная.

– Все хорошо. Просто устала.

– Может, тебе отдохнуть? Съездить куда-нибудь?

Я посмотрела на него. Мой сын. Мой мальчик, которого я растила одна, в которого вложила всю душу. Который сейчас смотрел на меня честными, открытыми глазами и лгал. Лгал так же естественно, как дышал.

– Может быть, – сказала я. – После пятницы.

Он вздрогнул, едва заметно, но я увидела.

– Почему после пятницы?

– Просто так. Рабочая неделя закончится.

Он кивнул, поцеловал меня в щеку и ушел.

Я подождала десять минут. Потом достала телефон и нашла в старых контактах номер, который надеялась никогда больше не набирать.

– Частный детектив Стрельников, – голос за четверть века почти не изменился, только стал более хриплым.

– Игорь Семенович? Это Елена Викторовна Князева. Вы помогали мне во время развода двадцать пять лет назад.

Пауза.

– Елена Викторовна! Конечно, помню. Надеюсь, у вас все хорошо?

– Не совсем. Мне снова нужна ваша помощь.

– Слушаю.

Я закрыла глаза, собираясь с силами. Произнести это вслух означало признать – история действительно повторяется.

– Мне нужно выяснить все о моем сыне. Денисе Михайловиче Князеве. Все контакты, встречи, переписка.

– Понимаю. Деликатная ситуация.

– Очень.

– Мои расценки выросли за эти годы...

– Деньги не проблема. Когда сможете приступить?

– Хоть сейчас. Но для начала нужна информация – где он работает, живет, машина, номера телефонов, фотография. И ваши подозрения – это поможет понять, что именно искать.

– Я пришлю все на электронную почту. Тот же адрес?

– Нет, давно сменил. Запишите новый.

Я записала, продиктовала основную информацию о Денисе.

– И, Игорь Семенович... Это должно остаться между нами. Абсолютно конфиденциально.

– Разумеется. Вы же знаете, я могила. Отчитываться буду только вам, только лично.

– Спасибо. Жду результатов.

Положив трубку, я долго сидела неподвижно. За окном начинался закат, окрашивая питерские крыши в цвет ржавчины. Или крови.

Я не хотела этого. Не хотела шпионить за собственным сыном, копаться в его грязном белье, нанимать детектива. Но что еще оставалось? Ждать, пока все рухнет само? Пока Рита узнает правду так же, как узнала я когда-то? Пока маленькая Соня вырастет с искаленным представлением о том, что такое семья?

Нет. Если я не смогла спасти свою семью двадцать пять лет назад, то хотя бы попытаюсь спасти семью сына. Даже если для этого придется стать его врагом. Даже если он никогда меня не простит.

Глава 4

Ночь после разговора со Стрельниковым я провела в бессоннице. Лежала в темноте, глядя в потолок, и прокручивала в голове обрывок телефонного разговора Дениса: «она ничего не знает», «в пятницу, как договаривались», «Михаил Андреевич». Имя звучало в голове эхом, отдавалось болью где-то в груди.

К утру я так и не сомкнула глаз. Встала с тяжелой головой, выпила крепкого кофе, оделась и поехала в офис. Надо работать, принимать решения, подписывать документы. Личные проблемы не должны влиять на бизнес – этому я научилась давно, еще после развода с Мишей.

Рабочий день начался с совещания по проекту торгового центра. Ильин докладывал о ходе работ, Беспалов задавал вопросы по срокам. Я делала пометки в блокноте, кивала, одобряла предложения. Тело работало на автопилоте, пока мозг продолжал жевать вчерашнюю жвачку.

– Елена Андреевна, – Маша заглянула в переговорную, – ваш сын в приемной. Говорит, нужно передать документы по проекту Красина.

Денис редко заходил в офис без предупреждения. У него была своя фирма, свои объекты, свой ритм. Мы пересекались, только когда он консультировался по крупным проектам или когда работали над чем-то совместно. Обычно он

звонил заранее, уточнял, удобно ли время.

– Пусть зайдет.

Он вошел с папкой в руках. Выглядел так, будто не спал – под глазами тени, лицо осунулось и будто бы посерело. Его явно что-то беспокоило, и я, надеюсь, скоро узнаю, что.

– Извини, что без звонка, – он положил папку на стол передо мной. – Расчеты по вентиляции для Красина. Ты просила проверить.

– Спасибо. Присядь, послушай, есть сложности с проектом, нужен свежий взгляд.

Он сел, но на самый край стула, держа телефон в руке. Готовый вскочить и уйти в любую секунду.

Совещание продолжилось. Ильин закончил свой доклад, Беспалов задал последние вопросы. Я делала пометки, раздавала поручения, но краем сознания следила за Денисом. Он сидел, уткнувшись в телефон, пальцы скользили по экрану.

Когда сотрудники начали собирать бумаги, готовясь расходиться, я открыла папку, которую принес Денис. Бегло просмотрела расчеты, все выглядело безупречно. Как всегда. Он был хорошим инженером, въедливым, внимательным к деталям.

– Останься на пару минут, – сказала я, когда последний сотрудник вышел из переговорной.

Денис поднял глаза от телефона. В его взгляде мелькнуло что-то: раздражение? настороженность? Но он кивнул.

– У меня встреча через полчаса.

– Долго не займет.

Мы остались вдвоем. Я закрыла папку с расчетами, сложила руки на столе.

– Как дела? – спросила я. – Давно не разговаривали.

– Нормально. Работы много.

– Твой новый проект в Сосенках движется по графику?

Он напрягся. Едва заметно, но я увидела, плечи стали чуть жестче, взгляд настороженнее.

– Да. Все идет по плану. Фундамент залили, ждем набора прочности бетона.

– Подрядчики не подводят?

– Нет. А что?

– Просто интересуюсь. Ты же знаешь, я волнуюсь за твои проекты.

Он изучал мое лицо, пытаясь понять, что стоит за этими вопросами. Раньше я действительно регулярно интересовалась его делами – по-матерински, искренне. Радовалась успехам, помогала советом, когда возникали сложности. Но после произошедшего, мой интерес ему казался подозрительным.

– Все хорошо, мам, – медленно произнес он. – С чего вдруг такие вопросы?

Я пожала плечами, стараясь выглядеть непринужденно.

– Не могу поинтересоваться делами сына?

– Можешь. Но обычно ты не спрашиваешь о подрядчиках

на совещаниях по чужим проектам. Мы обсуждаем это дома.

Он был прав. Я была неестественной, и он это чувствовал. Надо было отступить, пока он окончательно не насторожился.

– Просто устала, наверное, – я потерла переносицу. – Много работы. Прости, если веду себя странно.

Лицо его смягчилось.

– Мам, может, тебе правда отдохнуть? Съездить куда-нибудь? В санатории, например?

– Может быть.

Он поднялся, обошел стол, коротко обнял меня за плечи. Прикосновение было формальным, быстрым, но я все равно почувствовала облегчение, значит, еще не все потеряно. Еще есть что-то между нами.

– Мне пора, – сказал он. – Встреча.

– Конечно. Спасибо за расчеты.

Он уже был у двери, когда я не выдержала:

– Денис, давай пообедаем вместе? Сегодня.

Он замер, не оборачиваясь. Несколько секунд стоял неподвижно, потом обернулся.

– Хорошо. В два часа внизу, в кафе?

– Договорились.

К двум часам я спустилась в кафе на первом этаже. Небольшое, уютное место с панорамными окнами, куда я часто заходила в обеденный перерыв. Света, молодая официантка, уже видела меня издалека и махала рукой.

Денис пришел на пять минут позже. Сел напротив, бросил телефон на стол экраном вниз.

– Здравствуйте, Денис Михайлович, – Света положила перед нами меню. – Что будете заказывать?

– Апельсиновый сок, – он даже не взглянул на меню. – Большой стакан.

– И все? Может, супчик? Сегодня грибной, очень вкусный...

– Только сок.

Света удивленно посмотрела на меня, я улыбнулась ей:

– Мне как обычно: салат «Цезарь» и зеленый чай.

Когда она ушла, между нами повисло молчание. Я смотрела в окно на прохожих, он уставился в телефон. Экран светился, и хотя я не видела, что на нем, было ясно – кто-то ему пишет. Много. Сообщения приходили одно за другим, телефон вибрировал каждые несколько секунд.

– Может, ответишь? – я кивнула на телефон. – Похоже, срочное.

– Нет. Подождет.

Но взгляд его все равно возвращался к экрану. Пальцы дергались, будто сами тянулись набрать ответ.

– Как Рита? Соня?

– Хорошо. Соня начала ходить на танцы. Рите нравится.

– Это замечательно.

– Да.

Еще одно молчание. Тяжелое, липкое, от которого хоте-

лось сбежать. Мы сидели напротив друг друга – мать и сын, которые еще две недели назад могли часами болтать обо всем на свете, а теперь не знали, о чем говорить.

Света принесла заказ. Я начала есть салат, он залпом выпил половину стакана сока.

– Мам, – он поставил стакан на стол, – если ты хотела поговорить о той встрече... Я уже сказал все, что мог. Я прекратил. Больше этого не повторится.

Я медленно разжевала кусочек курицы, прежде чем ответить.

– Я не об этом.

– Тогда о чем?

– Ни о чем конкретном. Просто хотела увидеть тебя. Мы почти не общаемся последнее время.

Он откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди – защитная поза.

– Ты сама отстранилась. После того разговора.

– Я не отстранилась. Я просто... думала.

– О чем?

О том, что ты лжешь мне. О том, что я вижу в тебе твоего отца. О том, что не знаю, как спасти твою семью, не разрушив наши отношения окончательно.

– О жизни, – сказала я вслух. – О прошлом.

Телефон на столе снова завибрировал. Потом еще раз. Денис схватил его, быстро посмотрел на экран, и я увидела, как дрогнуло его лицо. Что-то промелькнуло в глазах – беспо-

койство? вина?

– Извини, – он поднялся, – мне правда нужно ехать. Срочная проблема на объекте.

– Ты так и не поел.

– Не голоден.

Он достал бумажник, бросил на стол несколько купюр.

– Документы будут к завтрашнему утру, – пообещал он, натягивая пиджак. – Если что-то еще понадобится, звони.

И ушел, даже не допив сок.

Я сидела одна, глядя на его нетронутый стакан. Света подошла, начала убирать со стола.

– С вашим сыном все в порядке? – спросила она осторожно. – Он какой-то... встревоженный.

– Работа, – улыбнулась я. – Много работы...

Вечером в среду, когда я уже собиралась уходить из офиса, пришло сообщение от Дениса: «Ужин отменяется. Рита приболела».

Я смотрела на экран телефона, перечитывая эти строчки. Коротко. Сухо. Никаких подробностей – что случилось, что болит, нужна ли помощь.

Пальцы сами потянулись набрать номер Риты. Я остановилась, глядя на ее имя в контактах. Позвонить? Спросить, как она себя чувствует?

А если она скажет: «Какая болезнь? Я прекрасно себя чувствую»?

Я положила телефон на стол. Села в кресло, закрыла глаза.

Не надо. Не сейчас. Пока нет доказательств только подозрения, обрывки разговоров, странное поведение. Этого недостаточно, чтобы обвинять. Недостаточно, чтобы разрушать.

В четверг вечером позвонила Рита. Голос звучал устало, но живо.

– Мам, простите, что отменили! У меня такая жуткая мигрень была, два дня просто не могла с постели встать. Но сегодня уже гораздо лучше!

Значит, она действительно болела. Я почувствовала укол стыда – сидела тут, подозревала, а она просто лежала с мигренью.

– Бедная моя, – я постаралась вложить в голос максимум тепла. – Как сейчас? Совсем прошло?

– Почти. Денис так за мной ухаживал: лекарства покупал, чай приносил, с Соней занимался, чтобы меня не беспокоила. Настоящий герой!

– Это замечательно, – я сглотнула. – Отдыхай, набирайся сил.

– Обязательно! А в воскресенье обязательно соберемся, да?

– Конечно, милая.

После разговора я долго сидела на кухне с чашкой остывшего чая. Рита болела. Денис ухаживал за ней. Нормальная семейная ситуация.

Может, я действительно схожу с ума? Проецирую на сына

грехи его отца, вижу измены там, где их нет?

«Она ничего не знает», – голос Дениса в коридоре офиса всплыл в памяти.

«В пятницу, как договаривались».

«Михаил Андреевич».

Нет. Не схожу. Я слышала. Видела...

Пятница тянулась невыносимо. Каждый раз, когда открывала почту, сердце подсказывало к горлу. Стрельников обещал прислать первый отчет сегодня.

К шести вечера офис опустел. Маша заглянула на прощание:

– Елена Андреевна, может, и вам пора домой? Уже поздно.

– Скоро, Машенька. Еще немного поработаю.

Она ушла, и я осталась одна. За окнами сгущались сумерки, превращая город в мерцающее море огней. Где-то там внизу моя жизнь, моя семья, моя правда, которую я боюсь узнать.

В половине седьмого пришло письмо. Отправитель: . Тема: «Отчет №1».

Я несколько секунд просто смотрела на непрочитанное сообщение в списке. Пальцы дрожали над мышкой.

Открыла.

«Елена Андреевна, направляю первый отчет по объекту наблюдения.

Объект: Князев Денис Михайлович, 35 лет

Основные выводы:

Ольга Сергеевна Ковалева (Ольга, упомянутая Вами) действительно уволена из компании. По данным из открытых источников, уволилась по собственному желанию с выходным пособием. Контакт с объектом после увольнения не выявлено. Телефонных переговоров нет, встреч не зафиксировано.

ОДНАКО.

Объект поддерживает регулярные контакты с другой женщиной.

Личность установлена: **Каменская Ольга Александровна, 29 лет.**

Встречи происходят 3-4 раза в неделю. Места: рестораны, кафе, общественные пространства. Объект ведет себя осторожно, открытых проявлений близости избегает. В гостиницы не заезжают, на личные квартиры не приезжают.

Но характер встреч говорит сам за себя. Каменская О.А. проявляет явную инициативу: прикасается к объекту, берет под руку, наклоняется близко при разговоре. Объект не отстраняется.

Справочная информация:

Каменская О.А. – дочь Каменского Александра Викторовича, владельца холдинга «МВК Строй». В состав холдинга входят: сеть строительных гипермаркетов «СтройДом» (23 точки по Москве и области), девелоперская компания «МВК Development», завод ЖБИ в Подмосковье, логистическая

компания.

Каменская О.А. – единственный ребенок. Образование: МГИМО, факультет международных экономических отношений. Официально числится коммерческим директором «МВК Development», но реальной работой, по данным из различных источников, не занимается.

Не замужем. Длительных отношений не поддерживала (по крайней мере, публично). Отец крайне опекает, балует. Известна в определенных кругах как любительница светской жизни, шопинга, путешествий.

По данным, полученным от знакомых семьи (через посредников), «Ольга привыкла добиваться того, чего хочет, и папа ей ни в чем не отказывает».

Фотоматериалы: см. вложения 1-12.

Продолжать наблюдение?

С уважением, И.С. Стрельников»

Я несколько секунд сидела неподвижно, глядя на текст. Потом, медленно, будто боясь того, что увижу, открыла первое вложение.

Фотография: Денис и молодая женщина выходят из ресторана. Вечер, огни вывесок, он придерживает для нее дверь. Она смеется, запрокинув голову. Светлые волосы до плеч, дорогое пальто верблюжьего цвета, высокие каблуки. Красивая. Ухоженная. Молодая.

Вторая: кафе, столик у окна. Она наклонилась к нему через стол, что-то говорит. Он слушает, и на его лице улыбка.

Не формальная, не вежливая. Настоящая.

Третья: улица, день. Она взяла его под руку. Идут рядом. Он не отстраняется.

Четвертая: ресторан другой, вечер другой. Но суть та же. Я закрыла ноутбук. Села в темноте кабинета, глядя в окно, за которым мерцала вечерний Питер.

Не та Ольга. Другая. Та, которая «привыкла добиваться того, чего хочет».

И сейчас она хочет моего сына. Женатого. С пятилетней дочерью. Моего сына, который должен был быть другим. Которого я растила так, чтобы он никогда не повторил ошибок своего отца.

Телефон завибрировал. Сообщение от Дениса: «Завтра везем Соню к родителям Риты на дачу, на выходные. Увидимся в понедельник».

Обычное сообщение. Семейные планы. Нормальная жизнь нормальной семьи.

Я снова открыла ноутбук. Перечитала отчет. Рассмотрела все двенадцать фотографий. На последней они стояли возле его машины. Она что-то говорила, жестикулируя, он смотрел на нее.

Просто смотрел. И во взгляде было то, что я видела когда-то давно в глазах Миши, когда он смотрел на меня. В самом начале. Когда мы еще были счастливы.

Я закрыла глаза, прислонившись лбом к холодной поверхности стола.

Денис влюблен. Или влюбляется. И это в тысячу раз страшнее. Случайность можно простить, от случайности можно отойти. Но когда влюблен... Тогда семья рушится не сразу, а медленно, день за днем, ложь за ложью. Тогда жена становится обузой, ребенок – помехой, а новая женщина – смыслом жизни.

Я достала телефон, нашла адрес Стрельникова, начала печатать ответ:

«Игорь Семенович, продолжайте наблюдение. Мне нужны все детали: где, когда, как часто, о чем говорят, если есть возможность узнать. Особенно интересует, как давно это продолжается. Бюджет не ограничен. Е.К.»

Глава 5

Неделя текла, как вязкая смола медленно, тягуче, оставляя после себя горький привкус. От Стрельникова не было вестей. Я проверяла почту по десять раз на день, вздрагивала от каждого уведомления на телефоне, но приходили только рабочие письма, отчеты от сотрудников, счета от подрядчиков.

С Денисом мы почти не виделись. Он заходил в офис дважды. Оба раза коротко, по делу, с документами в руках. Входил, клал папку на стол, обменивался несколькими фразами о проекте и уходил. Никаких личных разговоров, никаких «как дела, мам», никаких задержавшихся взглядов. Вежливый профессионализм, за которым чувствовалась стена.

В среду Рита позвонила извиниться, что сегодняшняя ужин отменяется, они едут к ее родителям на дачу.

– Мама так просила, – объясняла она виноватым голосом. – Давно не видела Соню, скучает. Вы не против, мам?

– Конечно нет, милая. Передавай привет родителям.

– Обязательно! А в воскресенье точно соберемся!

В пятницу Денис написал сухое сообщение: «Записали Соню в развивающую группу по субботам. Завтра первое занятие, потом нужно будет по магазинам, так что обед переносится. Извини».

Я сидела на кухне с телефоном в руках, перечитывая эти

строчки. Развивающая группа. Магазины. Дача у родителей. Все причины выглядели разумно, обыденно, естественно. Жизнь молодой семьи с ребенком – она и правда полна таких дел.

Но я знала. Чувствовала всей кожей – Денис избегает меня. Ограждает свою семью от матери, как ограждают от чего-то опасного, заразного. Боится, что я скажу что-то не то, спрошу что-то не о том, разрушу ту иллюзию благополучия, которую он старательно поддерживает для Риты.

Обидно. Боже, как обидно было сидеть и понимать, что мой собственный сын воспринимает меня как угрозу. Я, которая родила его, вырастила одна, вложила в него всю душу, отдала лучшие годы своей жизни. Я угроза.

По ночам я лежала без сна и думала о Мише. Мой бывший муж не появлялся в жизни Дениса уже много лет. После развода он сделал пару попыток встретиться с сыном – дежурные звонки на день рождения, предложение «сходить куда-нибудь». Денис отказывался сухо и коротко. Потом звонки прекратились совсем.

Но теперь, наблюдая за поведением сына, я все больше убеждалась – Миша появился снова. Денис не просто изменяет жене. Он делает это так же, как делал его отец – с той же ложью, теми же отговорками, тем же умением разделять жизнь на отсеки. Этому не учатся по книгам. Это передается, как вирус. От отца к сыну.

Может быть, они встречаются? Может, Миша дает ему со-

веты, как выкручиваться, как скрывать следы? «Сынок, я через это проходил, знаю, как правильно...»

От этих мыслей меня начинало мутить.

В субботу вечером я вышла на балкон. Октябрьский ветер трепал волосы, в воздухе пахло дождем и опавшей листвой. Внизу мерцали огни города, где-то играла музыка, смеялись люди. Жизнь шла своим чередом, не замечая, что у меня все рушится.

Я достала телефон, открыла последнее сообщение от Дениса. «Извини». Даже не «прости», а это сухое, отстраненное «извини».

Пальцы сами набрали ответ: «Может, хоть сейчас увидимся? Приезжай, поговорим».

Смотрела на экран несколько минут. Потом стерла и написала другое: «Ничего страшного. В другой раз».

Отправила. Постояла еще немного на балконе, потом вернулась в квартиру и легла спать.

Воскресное утро выдалось на удивление солнечным. Редкий для конца октября день, когда небо ясное, воздух свежий, и хочется выйти из дома. Я долго валялась в постели, листая новости в телефоне, потом заставила себя встать, приготовила завтрак, который не смогла съесть.

В одиннадцать позвонила Рита.

– Мам, привет! – голос звучал виноватым. – Мы опять переносим ужин, простите...

– Что-то случилось?

– Нет, просто Денис наконец-то согласился повезти Соню в парк. Она так просила, уже неделю канючит: папа, папа, давай в парк, там белочки! А у него все работа, работа... Ну вот, сегодня освободился, и они поехали. Я подумала, пусть лучше проведут время вместе, чем тащить ребенка на семейный ужин.

Парк. Конечно. Именно во время нашего ужина у него вдруг появилось время для дочери.

– Конечно, Рита, – я выдавила из себя улыбку, которую она не могла видеть, но, возможно, слышала бы в голосе. – Пусть гуляют. Соне нужен папа.

– Спасибо, что понимаете! Я знала, что вы не будете ругаться. В следующее воскресенье обязательно соберемся, даже если мир рухнет!

Мы попрощались. Я положила телефон и долго сидела на диване, глядя в окно.

Парк. Они обычно гуляли в Таврическом. Денис как-то рассказывал, что Соне там нравится, много белок, есть площадка с качелями. Минут сорок на машине от моего дома.

Я встала. Прошла в прихожую. Достала пальто. Надела. Остановилась, глядя на себя в зеркало.

Что ты делаешь? Едешь шпионить за собственным сыном? Выслеживать его на прогулке с дочерью?

Но ноги уже несли меня к двери. Я взяла ключи от машины, сумку, вышла.

В парке было многолюдно. Воскресный день, солнце, по-

следнее тепло перед холодами – люди выползли из квартир, как муравьи из муравейника. Семьи с детьми, влюбленные парочки, пожилые пары на лавочках, спортсмены на велосипедах.

Я бродила по аллеям медленно, без цели, будто просто гуляю. Смотрела на деревья – клены роняли последние желтые листья, дубы стояли еще зеленые, березы уже почти голые. Осень в самом разгаре.

Где-то здесь мой сын гуляет с дочерью. Может, я их и не найду – парк огромный, аллей десятки. Может, они уже ушли. Может, это все глупость, и мне стоило остаться дома.

Я свернула к пруду. Там всегда много детей – кормят уток, катаются на лодочках. Соня любила уток, Денис рассказывал.

Прошла мимо лавочек, мимо киоска с мороженым, мимо...

И замерла.

Кафе. Небольшое, стеклянное, с летней верандой, которую еще не закрыли на зиму. За одним из столиков сидели трое: Денис, Соня и...

Михаил.

Мой бывший муж сидел напротив сына, что-то рассказывал, жестикулируя. Соня ела мороженое, размазывая шоколад по щекам. Денис слушал отца, опершись локтем о стол.

Обычная картина. Дедушка с сыном и внучкой. Семейная идиллия.

Меня затошнило.

Я стояла в нескольких метрах, за углом здания кафе, и смотрела на эту сцену. Миша – постаревший, с проседью в волосах, но все еще статный, в дорогом пальто. Денис – его копия, только моложе. Соня – счастливая, с мороженым.

Сколько они уже встречаются? Как давно это началось? Денис говорил, что отец ему не нужен, что простить он его не может. Врал?

Я вышла из-за угла и пошла к ним.

Миша увидел меня первым. Лицо его дрогнуло на секунду, потом расплылось в улыбке. Он поднялся из-за стола, раскинув руки:

– Лена! Вот это встреча! Как ты?

Голос бархатный, приветливый. Будто мы старые друзья, не видевшиеся пару месяцев, а не бывшие супруги, которые не разговаривали двадцать пять лет.

Денис обернулся. Лицо его стало каменным.

– Мам...

– Привет, – я подошла ближе, не сводя глаз с Миши. – Какая неожиданность.

– Ба! – Соня соскочила со стула, кинулась ко мне. – Смотри, у меня мороженое шоколадное! А это дедушка Миша!

Дедушка Миша. Значит, они уже познакомились. Уже есть отношения. Внучка знает деда.

Я присела перед Соней, вытерла салфеткой шоколад с ее щеки.

– Вкусное мороженое?

– Очень! Дедушка купил!

– Это замечательно, солнышко.

Я выпрямилась, посмотрела на Мишу. Он стоял, засунув руки в карманы пальто, и улыбался той же обаятельной улыбкой, которая когда-то сводила меня с ума.

– Присаживайся, Лен. Кофе закажем, поболтаем. Сколько лет прошло!

– Что тебе нужно, Михаил?

Улыбка дрогнула, в глазах мелькнуло что-то – раздражение? Но он быстро взял себя в руки, изобразил обиду:

– Ничего не нужно. Просто захотел увидеть сына. И внучку. Разве это запрещено?

– Двадцать пять лет тебе не хотелось. А теперь вдруг захотелось.

– Люди меняются, Лена. Я стал старше, переосмыслил многое. Захотел наладить отношения с семьей, пока не поздно.

Я перевела взгляд на Дениса. Он сидел молча, вращая в руках пустой стаканчик из-под кофе. Лицо непроницаемое, но я видела напряжение в плечах, в сжатых челюстях.

– Денис, – позвала я тихо. – Ты не говорил, что общаешься с отцом.

Он поднял глаза. Посмотрел на меня, и в его взгляде было столько вины, что я невольно отступила на шаг.

– Я знал, что тебе не понравится.

– Вот именно! – подхватил Миша, садясь обратно за стол. – Мы с ним просто наверстываем упущенное время. Разговариваем. Я даю советы, делюсь опытом...

При слове «советы» Денис криво усмехнулся. Всего на мгновение – уголок рта дернулся, глаза сузились. Но этого было достаточно.

Все же не все так просто в этом «общении». Денис не счастлив видеть отца. Не испытывает радости от воссоединения. Что-то еще стоит за этими встречами. Что-то, что заставляет его терпеть присутствие человека, которого он всю жизнь ненавидел.

– Какие советы? – спросила я, глядя на Мишу.

– Да разные. По работе, по жизни. Знаешь, я за эти годы многому научился. Бизнес у меня разросся, связи появились. Могу помочь сыну...

– Связи, – повторила я. – Конечно. У тебя всегда были связи.

Миша прищурился. Обаяние сползло с его лица, как маска.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ничего. Просто констатирую факт.

Мы смотрели друг на друга, и между нами натянулось что-то острое, колющее. Двадцать пять лет, а ненависть никуда не делась. Просто спряталась, притаилась, а теперь вылезла наружу, оскалившись.

– Мам, – Денис встал, взял Соню за руку. – Нам пора. Со-

ня, попрощайся с бабушкой и дедушкой.

– Пока, ба! – Соня помахала мне рукой. – Приходи к нам, я тебе рисунок покажу!

– Обязательно приду, солнышко.

– Пока, дедушка Миша! – Соня потянулась к Мише, и тот наклонился, чмокнул ее в макушку.

– Пока, принцесса. Скоро увидимся.

Денис повел дочь к выходу из кафе. Я смотрела им вслед – высокая фигура сына, маленькая девочка, подпрыгивающая рядом. Они дошли до выхода, скрылись за дверью.

Миша задержался. Поправил воротник пальто, достал из кармана ключи от машины. Посмотрел на меня и усмехнулся:

– Было приятно повидаться, Лена. Не пропадай.

– Что тебе нужно от него? – спросила я тихо.

– От кого? От сына? – он изобразил удивление. – Я же сказал – просто общение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.